

УДК 94(47).084

Сорокин А.А.

Московский городской педагогический университет

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 20-30-Х ГОДОВ XX ВЕКА О РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА В РОССИИ: ВЗГЛЯДЫ МОНАРХИСТОВ

В статье на основе анализа публикаций в периодической печати Русского Зарубежья 20-30-х гг. XX в. раскрываются взгляды монархистов на революционные события в России в 1917 году.

Opinions on revolutionary events of 1917 in Russia was revealed in the article through the analyses of the magazines and newspaper publications of the monarchists of the Russian Emigration of the «first wave» in 20-30-ies XX century.

Представителям монархической реставрации в России на страницах своих журналов удалось создать достаточно цельный и яркий образ Русской революции 1917 г. Бурные эмоции, выливавшиеся потоком в виде аллегорий, метафор и прочих выразительных средств русского языка, отражали состояние людей, переживших состояние социального психоза российского революционного процесса начала XX в. Прекрасной иллюстрацией сказанному является фраза из опубликованной в феврале 1922 г. в «Двуглавом орле» статьи священника Колпинского - «Абсолютно мерзость революции... И это страшно, так как революцию окончательно и, главное, теперь скорее преодолеть может только великодушные сверхполитической, религиозной идеи Царства» [7, с. 42].

Печатные средства массовой информации стали для представителей правого крыла российской эмиграции 1920-1930-х гг. тем рупором, с помощью которого они надеялись поднять русский народ на восстановление монархической российской государственности. Именно на страницах периодической печати разворачивались самые настоящие политические баталии между теми, кто искал способы восстановления монархии в России, и теми, кто был ее противником.

Русская революция 1917 г. была основной темой публикаций монархических изданий Русского Зарубежья 1920-1930-х гг. Практически каждая статья на эту тему имеет собственную художественную и историческую ценность, поскольку отражала ментальные ценности автора. Писались эти статьи людьми действительно неординарными, яркими, подчас игравшими в политической судьбе России далеко не последнюю роль.

Монархисты трагически и крайне болезненно переживали произошедшие в России политические события, приведшие к трансформации политической системы и всех её составляющих. «Наступил проклятый 1917 год. Вспыхнула революция, поддержанная Государственной Думой... - писал в декабре 1921 г. на страницах «Двуглавого орла» Л. Савелов. - Интересы политических партий были поставлены выше интересов Родины» [13, с. 29].

Для монархического сообщества Русского Зарубежья 1920-1930-х гг. русская революция 1917 г. стала крушением собственного мира, гибелью страны, которую они любили. Жизнь стала делиться по принципу «до революции» и «после революции». Как писал в декабре 1923 г. на страницах «Державной Руси» Б. Бразол, революция 1917 года предстала «чёрной изменой ... чудовищным преступлением, именуемым царевубийством», в результате которого «народ русский ... свернул с пути, предугазанного ему Великим Петром и ... попал в трясины революционного бездорожья, ведомый слепыми поводырями вроде Львова и Керенского...» [3, с. 9]. Безусловным лидером эмоциональных характеристик произошедшего был Н.Е. Марков. «Монархия в России - это альфа и омега всего в ней бывшего и прежде всего и более всего - русской культуры, -

писал он в очередной раз в декабре 1927 г. на страницах «Двуглавого орла». - И как только в 1917 году свергли монархию, тотчас же уничтожилась русская культура, заколебалась русская церковь, вернулся языческий “звериный обычай”. Рассыпалось Русское государство и стинуло самое имя Россия. Поэтому отрицание Русской монархии равносильно отрицанию самой России» [9, с.2].

Монархисты считали, что России не стало в феврале 1917 г., когда перестала существовать царская власть. Н. Тальберг был убеждён в том, что Русская революция, которую он именуется «изменой», «началась не 27-го февраля – во время открытого бунта, а тогда, когда в присутствии высших чинов, где тонко, где открыто и грубо, безнаказанно произносилась хула на царскую семью» [14, с. 2].

Анализ монархической периодики позволяет понять, какую роль в Русской революции 1917 года отводили себе носители монархической идеи, каковы причины поражения белых армий и победы большевиков и каковы политические перспективы развития российской государственности. Довольно часто монархисты были несколько наивны в своих суждениях о том, что ждёт Россию в ближайшие годы, в своей вере в скорое падение советской власти и возрождение монархии. Типичным выглядело утверждение о том, что «народ русский, пресытившийся кровью и грабежом, найдёт выход из социалистического загона на светлый путь боевой славы» [1, с. 32].

Рассуждая о событиях февраля-октября 1917 г., монархические авторы не анализировали объективных и субъективных причин, которые привели к революции. Они лишь рассматривали те факторы, которые, на их взгляд, помогли осуществить свержение царской власти. Поэтому все прогнозы дальнейшего развития революционного процесса в России были скорее интуитивными, чем научными. Революция в понимании монархистов - это некий злой умысел, принадлежавший определённой группе людей, хорошо и заранее спланированный и осуществившийся лишь благодаря стечению обстоятельств. При этом была уверенность в том, что русский народ был обманут и обманом вовлечен в революцию, именуемую довольно часто «петроградским бунтом».

Особенно часто об этом писал Н. Тальберг, подчёркивая, что «нельзя обвинять русский народ в свершении революции». Подробно останавливаясь на характеристике политических действий всех слоёв российского общества накануне февраля 1917 г., он, тем не менее, утверждал, что «невиновных в пережитой и переживаемой трагедии людей безгрешных перед монархом и Родиной нет» [14, с. 4].

Обстановка в Петрограде в дни революции оценивалась следующим образом: «А там, в духовно прогнившем, погрязшем в спекуляциях и политических интригах, совсем забывшем про войну, в переполненном уклонившимися от военной службы героями “общественности”, в туманном, слякотном Петрограде заканчивался последний акт инсценированной в Таврическом дворце предательской драмы. Взбунтовались подкупленные на иностранные деньги никогда не воевавшие солдаты запасных частей... Преступная слабость одних, преступная измена других превратила солдатский бунт в мировую революцию. Государственная Дума в лице своих заправил возглавила злодеяние. Оклеветанный своими близкими, преданный своими генералами, Император был взят в плен и томился в заточении. Народ безмолвствовал» [12, с. 3-5].

Сама революция воспринималась монархистами как некое жестокое и бессмысленное действие, «неспособное привести народ к благополучию, но, напротив, погрузившее его в пучину бедствий». Более того, революция, по убеждению сторонников монархической формы правления, являлась преступлением перед Богом, отклонением от того пути, который был предначертан свыше.

Одним из наиболее спорных моментов в оценке революционных событий 1917 г. монархистами является их абсолютная, слепая, без каких-либо обоснований, вера в то, что России была обеспечена победа в Первой Мировой войне. Они упорно закрывали глаза на объективную действительность, свидетельствовавшую о том, что народ был обескровлен этой затянувшейся войной, экономика страны подорвана, поднималось недовольство в среде солдат и крестьянства. Тем не менее, причину выхода России из войны монархисты

видели не в экономической и политической неспособности страны продолжать участие в военных действиях. Вина списывалась и на Временное правительство, и на большевиков, которые якобы не могли допустить, чтобы победу в войне одержала царская Россия, поскольку это бы упрочило власть монарха и подняло авторитет этой власти в глазах собственного народа. Происходила свойственная для монархистов путаница причины со следствием.

Одним из главных виновников Русской революции 1917 г. считалась русская интеллигенция. «Вина русской интеллигенции за подаренную ею России революции, - писал в мае 1922 г. на страницах «Двуглавого орла» С. Толстой, - усугубляется тем, что она не смеет оправдываться незнанием того, к чему неминуемо должен был привести этот ужасный бич народный» [15, с.11].

В число виновников «Двуглавым орлом» включалась и Германия. «Война ещё продолжалась; ещё нельзя было делать какого-либо определенного заключения об её исходе, - писал Г. Коландс в 1922 г. на страницах «Луча света», - но в это время в Петрограде началась революция, подстроенная кучкой политических авантюристов, и тогда Германия стала насаждать в России через социальную революцию коммунизм с единственной целью вывести Россию из состояния боеспособности. Ибо лучше кого бы то ни было германские дипломаты понимали, что Россия может быть или анархией, или монархией, но ни в каком случае ни конституционным, ни тем более республиканским государством» [6, с. 308].

Одной из причин «февральско-мартовского переворота» монархисты вполне небезосновательно считали «планомерную террористическую деятельность по уничтожению виднейших государственных и военных деятелей». Именно эта деятельность, по их мнению, обусловила то, что в феврале-марте 1917 г. не нашлось людей, способных и желающих защитить монархию и дать весомый отпор революционным силам.

Монархисты считали «бунтовщиков» людьми трусливыми и были уверены в том, что петроградское восстание можно было подавить «твердой рукой», если бы таковая нашлась. Одну из основных причин Русской революции 1917 г. монархическая пресса видела в отсутствии «сильного лидера», который «в критический момент, когда людские массы уже почувствовали вкус безвластия и были переполнены агрессивной энергией, смог бы направить эту энергию в нужное русло» [11, с. 6].

Ключевым моментом в идеологических конструктах Русской революции 1917 г. было восприятие монархистами Февраля и Октября как одного целого, «чётко спланированного действия». «Что февральский, что октябрьский переворот – одно и то же: комедия или, вернее, трагедия одного автора в нескольких частях, эпилог которой мы так мучительно переживаем сейчас» [5, с. 16], - писал «Двуглавый орёл» в 1921 году. Большевики считались преемниками Временного правительства. «Февральская революция пыталась сочинить республиканскую Россию, но опыт этот оказался, как известно, не из удачных: развал армии и разложение государственности привели к торжеству социал-большевизма,- заключал «Двуглавый орёл». - И социал-большевизм привёл Россию к распаду и уничтожению» [5, с. 11].

Развивая эту идею дальше, один из известных авторов монархической прессы Н.Н. Чебышев на страницах «Высшего Монархического Совета» настаивал на том, чтобы сторонники российской монархии не сваливали всю вину за 1917 г. только лишь на революционные силы. «Мне всегда казалось, что наша революция доказала бездарность русской интеллигенции в области разумной действительности и плодovitость импульсов самоистребления в русском народе. Из того и другого, из всякой активности и сектантского неистовства складываются “наш” февраль и “их” октябрь. По той же причине мы никак не можем вылезти из «октября». Но их “октябрь” только формально: он также и “наш”. В феврале был заложен октябрь, как орех в скорлупе. Для “них” из октября

мы сделали длинную вереницу лет» [17, с. 56].

Временное Правительство оценивалось как слабое, непрофессиональное и неспособное удержать власть и навести порядок в стране в условиях нестабильной ситуации исключительно потому, что «февральские министры», по оценкам «Луча света», относились либо «к разряду служителей богини Глупости», либо были «насквозь низкие и подлые» и «продолжают бахвалиться и жертву свою, окровавленную Россию, сознательно пытаются крепко держать и не выпускать из своих когтей» [2, с. 9].

В центре внимания монархической прессы находилась и деятельность политических партий, причастных к революционным событиям 1917 года. «Партии управлять Россией не в состоянии, - выносило вердикт «Воскресенье». - Это они доказали с полной очевидностью. И их неудача - отнюдь не случайность: русские буржуазно-радикальные группы слишком слабы. Группы социалистические - эти не имеют корней в населении. Борьба партий, особенно - наших партий, неустановившихся, где больше руководителей, чем последователей, где на каждые десять человек - пять фракций - борьба партий этого типа делает образование сколько-нибудь твердой власти фактически невозможным...» [11, с. 7].

Большевицкую партию во главе с В.И. Лениным монархическая пресса рассматривала не иначе как «шайку международных авантюристов, бандитов, воров и убийц, возглавляемых евреями» [4, с. 1-4]. И в то же время монархическая пресса отдавала должное политической стратегии и тактике большевиков, подчёркивая их «глубоко продуманную и последовательную аргументацию». «Они - люди жизни, - утверждал «Двуглавый орёл», - и ... народ пошел не за их теорией, а за их практикой, которая заключалась в следующем: “Долой войну - бери землю!”» [10, с.38]. Но государственная власть большевиков признавалась абсолютно чуждой России и, как следствие, никак не могущей представлять интересы российского народа.

Октябрь 1917 г. воспринимался как исключительно антинациональное, антирусское явление. Безусловным лидером в этом направлении был Т. Локоть, который на собственный же вопрос «Могла ли быть такая революция русской?» эмоционально отвечал: «Конечно, нет, нет, безусловно, нет!». По его мнению, «Советская власть могла казаться национальной лишь в первые моменты большевической революции, когда некоторая часть народа верила, что именно эта самая крайняя, самая красная власть даст народу какое-то наибольшее счастье».

И в то же время известный эмигрантский историк считал необходимым, «чтобы возрождённая национальная власть, возрождённое русское общество, русская школа, русская печать - не забывали бы этой годовщины и воспитывали бы подрастающие поколения в правильном понимании и в должной объективной оценке значения революции 1917 года в истории России и русского народа [8, с. 2-3].

Ключевым моментом в освещении монархическими печатными средствами массовой информации Русской революции 1917 г. можно считать отношение к проблеме царубийства как самого большого преступления русского народа. «Мы подняли руку на Помазанника Божия или остались равнодушными при виде того, как банда изуверов обескровила в мрачном подвале Екатеринбурга Царственную Семью, не пощадив ни юности Цесаревен, ни отрочества Наследника, - писал «Двуглавый орёл» в 1921 году. - За это страшное злодеяние... каждый из нас понёс или еще должен понести заслуженное наказание» [16, с. 2].

Монархисты искренне верили в то, что революция и тяжелые годы гражданской войны должны были убедить русских людей в том, что монархия - единственно верный путь для России, что только она одна способна возродить Россию и привести к благополучию и процветанию. «Шесть лет прошло с тех пор, как в России не стало Императорской власти... Страшные годы научили многому, - подводил итоги

свершившегося в России «Высший Монархический Совет» 5(18) марта 1923 г. - Научили русских людей, особенно интеллигентов, слишком часто о том забывавших, что родина – священное слово, великая сущность, что гибель родины есть нравственная, а часто и физическая погибель каждого из ее сынов» [18, с. 1].

Литература:

1. Берендей. Из записной книжки // Двуглавый орёл. Берлин. 1922. 3(16) апр. Двадцать восьмой выпуск.
2. Берлинские письма // Луч света. Берлин. 1920. Май. Год первый. Книга III.
3. Бразол Б. Россия и ... Совдепия // Державная Русь. Нью-Йорк. 1923. Декабрь. № 1(5).
4. Двуглавый орёл. Берлин. 1920. Выпуск первый.
5. Двуглавый орёл. Берлин. 1921. Выпуск четвёртый.
6. Коланде Г. Прозорливый министр // Луч света. Мюнхен. 1922. Книга IV.
7. Колпинский. Памяти моего Государя // Двуглавый орёл. Берлин. 1922. 1(14) февр. Двадцать пятый выпуск.
8. Локоть Т. Последняя годовщина // Высший Монархический Совет. 1923. 26 февр. (11 марта). № 80.
9. Марков Н.Е. Долг патриота // Двуглавый орёл. Париж. 1927. 12(25) дек. № 14.
10. Михайловский. Проблеск на Востоке // Двуглавый орёл. Берлин. 1921. Выпуск одиннадцатый.
11. Монархия // Воскресение. 1922. 23 апр. № 3.
12. От редакции // Двуглавый орёл. Берлин. 1920. 14(27) сент. Первый выпуск.
13. Савелов Л. Из недавних франко-русских отношений 1918-1919 гг. // Двуглавый орёл. Берлин. 1921. 15(28) дек. Двадцать второй выпуск.
14. Тальберг Н. Перед судом правды // Двуглавый орёл. Берлин. 1922. 15(28) марта. Двадцать седьмой выпуск.
15. Толстой С. Россия и революция // Двуглавый орёл. Берлин. 1922. 1(14) мая. Тридцатый выпуск.
16. Церковь и монархия // Двуглавый орёл. 1921. Выпуск двадцать второй.
17. Чебышев Н. Рост во сне // Высший Монархический Совет. Берлин. 1923. 2(15) апр. № 84.
18. Шесть лет // Высший Монархический Совет. 1923. 5(18) марта. № 81.